

В. Н. МОЧУЛЬСКІЙ.

ВЛІЯНІЕ ПОЭЗІИ ПУШКИНА

НА РАЗВІТІЕ САМОСОЗНАНІЯ РУССКАГО НАРОДА.

**Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи
Одесскаго Славянскаго Общества 11 мая 1899 г.**

ОДЕССА.

Типографія Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская ул., соб. д. № 20).

1900.

В. Н. МОЧУЛЬСКІЙ.

ВЛІЯНІЕ ПОЭЗІИ ПУШКИНА НА РАЗВИТІЕ САМОСОЗНАНІЯ РУССКАГО НАРОДА.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Одесскаго
Славянскаго Общества 11 мая 1899 г.

ОДЕССА.

Типографія Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская ул., соб. д. № 20).

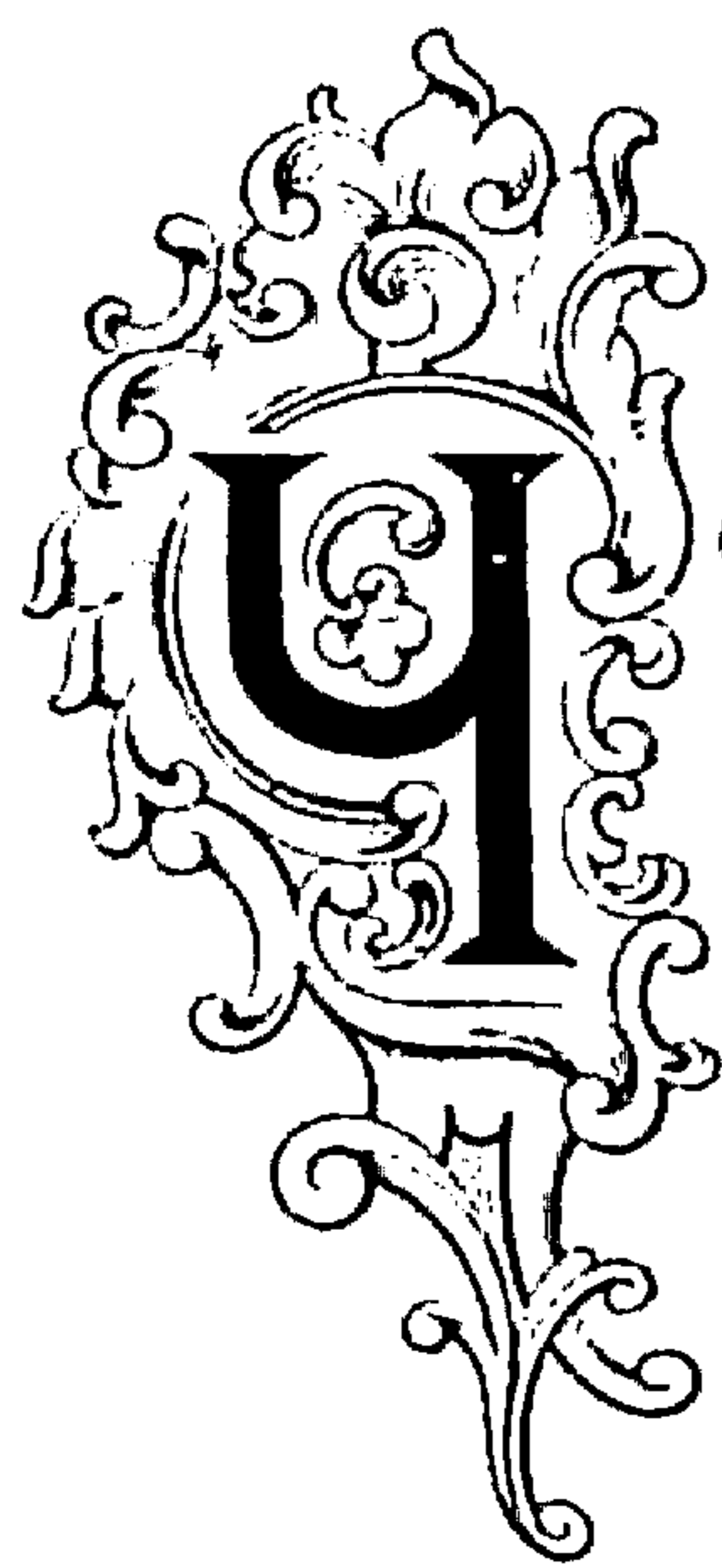
1900.

Дозволено цензурою. Одесса, 27 іюля 1899 года.

Вліяніе поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа *).

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

(„Памятникъ“).

Черезъ 15 дней вся Россія будетъ торжественно праздновать столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина. Одесское Славянское Общество пожелало присоединиться къ общему хору. Какъ выразитель этихъ желаній, я предлагаю вашему вниманию послѣднее рѣшеніе вопроса, на сколько вліяла поэзія Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа.

Еще въ 1828 г. Пушкинъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Чернь“ весьма мѣтко охарактеризовалъ взаимныя отношенія между современной ему интеллигентной чернью и имъ самимъ, т. е. поэтомъ. Вотъ какъ толковала эта чернь, внимая вдохновенному пѣвцу:

«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
.....
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

(„Чернь“, соч. Пушкина, изд. Л. Поливапова, стр. 280).

Взамѣнъ этого безплоднаго бречанья та же чернь предлагаетъ поэту, какъ избраницу небесъ, употреблять свой божественный даръ во благо ей — для исправленія ея сердець, и раскрывая свои сердца

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Одесскаго Славянскаго Общества 11-го мая 1899 года.

и разоблачая свои пороки, лицемѣрно требуетъ, во имя любви къ ближнему, давать смѣлые уроки, и тогда-то она охотно послушаетъ его.

На такое грубое непониманіе вдохновенныхъ пѣсень, на такое бессмысленное отношеніе къ высокому призванію поэта, онъ въ правѣ былъ отвѣтить:

«Молчи, бессмысленный народъ...
Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь...
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь».

А на лицемѣрное изъявленіе охоты послушать его смѣлыхъ уроковъ, поэтъ также справедливо говоритъ:

«Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!...
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Вичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!»

Таковы были отношенія въ Пушкинское время между интеллигентной чернью и поэтомъ. Спрашивается, неужели же и мы въ настоящее время смотримъ на поэзію Пушкина, какъ на пустое бречашье и неужели мы лицемѣримъ, устраивая въ честь его пышныя празднества и въ то же самое время, указывая на свои общественныя раны, относимся съ безнадежнымъ сарказмомъ ко всей его поэтической дѣятельности? Конечно, нѣтъ! Много прошло времени съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось. Мало по малу, изучая произведенія Пушкина, мы постепенно проникались уваженіемъ къ его литературной дѣятельности, а возрастающій интересъ заставлялъ насъ все глубже и глубже погружаться въ міръ его поэзіи. Въ этой глубинѣ его поэтическаго міросозерцанія, въ этихъ тайникахъ его благородныхъ чувствъ и сокровенныхъ думъ, во всемъ разнообразіи и богатствѣ его животворныхъ идей помогла намъ разобраться наша русская критика. И вотъ, благодаря отчасти ей, мы начали многое понимать въ поэзіи Пушкина, мы полюбили ее всей душой, мы успѣли впитать въ себя лучшіе ея соки и въ настоящее время, если и не вполне достигли до яснаго и отчетливаго пониманія поэзіи Пушкина во всей ея совокупности, то, по крайней мѣрѣ, дошли до того, что вполне предчувствуемъ всю великость значенія Пушкина въ нашей общественной жизни и готовы

всей душой искренно, а не лицемерно, его послушать, у него поучиться и ему слѣдовать!

Дадимъ же себѣ отчетъ, чѣмъ могъ полюбитъся намъ Пушкинъ, чѣмъ вліялъ онъ на наше сознаніе и чѣмъ, наконецъ, способствовалъ развитію нашего самосознанія. Отвѣтъ на эти вопросы мы начнемъ нѣсколько издалека, а именно — съ объясненія, что такое поэзія и каковы должны быть свойства истиннаго поэта. Поэзія есть такая область искусства, конечная цѣль которой составляетъ та же святая истина, какъ и въ наукѣ. Но эта истина достигается здѣсь не путемъ рефлексіи и отвлеченія, а скорѣе путемъ предчувствій и глубокаго проникновенія въ тайны мірозданія и въ тайны человѣческой жизни. Поэзія раскрываетъ намъ сущность и основы бытія, улавливаетъ біеніе пульса міровой жизни, открываетъ намъ невидимыя нити и связи явленій, вводитъ насъ въ Святаго Святыхъ и посвящаетъ насъ въ сокровенные замыслы творческой силы и раскрываетъ передъ нами ея святую волю. Въ сферѣ человѣческой жизни поэзія прежде всего проникаетъ въ тайники человѣческой души, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ ея пульса и за развитіемъ каждаго въ отдѣльности чувства и сопутствуетъ ему, если это чувство доходитъ до страсти. Переходя въ область человѣческихъ отношеній, поэзія указываетъ намъ на всевозможныя и разнообразныя комбинаціи этихъ отношеній, открываетъ намъ невидимыя и разнообразно переплетающіяся нити и связи этихъ отношеній и, наконецъ, раскрываетъ передъ нами тайныя пружины общественнаго механизма. Такія высокія свойства поэзіи естественно должны находиться въ связи съ высокими качествами и свойствами поэта и должны вытекать изъ его особенной природы. Поэтъ долженъ обладать тонкой и нѣжной организаціей, чуткой, способной воспринимать еле замѣтныя впечатлѣнія и доводить ихъ до яснаго сознанія. Эта острая впечатлительность сама собою ведетъ къ развитію особенной наблюдательности, доходящей въ дальнѣйшемъ развитіи до прозорливости и особеннаго чутья. При такой широкой воспримчивости у поэта накапливается постепенно богатый запасъ опыта и знаній, а съ ними расширяется его кругозоръ, способный охватить факты и явленія во всемъ разнообразіи ихъ проявленій. Какъ избранный сосудъ, поэтъ вмѣщаетъ въ себѣ все лучшее, что природа дала человѣку, а какъ продуктъ среды, поэтъ отражаетъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, мысли, чувства и настроенія окружающаго его общества. Доводя же до яснаго сознанія смутно бродящія въ обществѣ мысли и чувства, поэтъ становится путеводной звѣздой на широкомъ и необъятномъ пути народнаго развитія, а воплощая свои мысли и чувства въ конкретные образы и осязаемые звуки.

поэтъ ставовится, наконецъ, орудіемъ самосознанія среди того же окружающаго его народа.

Все сказанное мною о свойствахъ и качествахъ поэта въ полной и высокой степени относится и къ А. С. Пушкину. Коснемся прежде всего его лирики и разсмотримъ, какія мысли и чувства выражалъ онъ въ своей поэзіи, которыя могли бы оказать благотвѣтельное вліяніе на наше развитіе и развитіе нашего самосознанія. Основнымъ мотивомъ лирической поэзіи Пушкина служить въ общемъ высокая идея человѣческой личности, въ частности — нравственная свобода личности съ дарованными ей Богомъ правами сердца и ума:

«Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова...
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрен
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья,
Вотъ счастье! Вотъ права!...»

(Изъ VI Пиндемонте, т. I, стр. 396).

Сознавая глубоко нравственную свободу личности, поэтъ примѣняетъ ее къ себѣ и къ своему поэтическому призванію:

«Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;...
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

(„Поэту“, т. I, стр. 322).

Та же свобода и независимость выражается и въ отношеніяхъ поэта къ сильнымъ міра:

«На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадилломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моею...»

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Быль эхо русскаго народа».
(Т. I, стр. 76).

При такихъ возрѣпіяхъ на свободу и независимость личности—
трудно оставаться среди большого свѣта, сковывающаго эту свободу
видимыми и невидимыми узами; и вотъ, обращаясь къ своему другу,
поэтъ говоритъ:

«Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
(Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову, т. I, стр. 77).

Въ другомъ стихотвореніи, также ранняго періода, поэтъ еще
яснѣе выражаетъ свое стремленіе къ уединенію:

«Служенье музъ не теритъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;...
Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!»
(„19-го октября“, т. I, стр. 210).

И вотъ здѣсь, въ сѣни уединенія, на просторѣ, поэтъ погру-
жается въ міръ душевныхъ своихъ ощущеній и пользуется первыми
доступными и легко осуществимыми правами своего сердца. Эти права
суть наслажденіе прекраснымъ, дружба и любовь.

«Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ».
(„Жуковскому“, т. I, стр. 71).

Этотъ удѣлъ — наслаждаться прекраснымъ въ полной мѣрѣ раз-
дѣлялъ и Пушкинъ. Его поэтической душѣ открыто было все пре-
красное какъ природы, такъ и жизни человѣческой. Съ какимъ
геніальнымъ чутьемъ онъ паходитъ это прекрасное даже въ самой про-
стой и заурядной дѣйствительности. Какія чудныя картины создаетъ
онъ своей мощной кистью, сколько задушевности и теплоты разлито

въ его поэтическихъ описаніяхъ. Но этотъ лиризмъ нисколько не портитъ дѣйствительности. Напротивъ—мѣстная колоритность его картинъ поражаетъ своимъ натурализмомъ, своею естественностью. Но не только поэтъ самъ наслаждается прекраснымъ, не только выражаетъ свой личный восторгъ, онъ умѣетъ при этомъ передавать свой восторгъ другимъ, умѣетъ другихъ заставить

«Свой восторгъ уразумѣть
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ».

И въ этомъ отношеніи Пушкинъ является для насъ первымъ воспитателемъ художественнаго чутья и художественнаго вкуса. Онъ первый открылъ намъ невѣдомую дотолѣ область художественныхъ наслажденій и первый стремился облагородить нашу природу, направивъ ее къ возвышеннымъ мыслямъ и чувствамъ.

Но въ области личныхъ чувствъ права личности не исчерпываются, какъ я сказалъ, одной способностью — наслаждаться прекраснымъ. Есть права болѣе высокія и болѣе существенныя въ жизни человѣческой. Таковыми являются дружба и любовь.

«Покаместъ, другъ безцѣнный,
Каминномъ освѣщенный
Сажу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ...
Мой другъ, я счастливъ ею».

(Изъ посланія „Городокъ“, стр. 17).

И дѣйствительно, поэтъ былъ счастливъ своими друзьями. Среди житейскихъ бурь онъ находилъ въ нихъ утѣшеніе, заступничество и нравственную поддержку:

«И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О, дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!»

(Эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“, т. I, стр. 85).

Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ говоритъ :

«Ничто не замѣнитъ единственнаго друга :
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ спль ;
О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою !
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней ;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный ;
Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой ;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой ;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь ;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь...
Благодарю боговъ : прошелъ я мрачный путь ;
Печали раннія мою тѣснили грудь :
Къ печалямъ я привыкъ, расцелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоическою душою.
Одно желаніе : останься ты со мной !
Небесъ я не томилъ молитвою другой.

(„Чаадаеву“, стр. 119—120).

Любовь, по выраженію Пушкина, есть сестра дружбы (стр. 17).
Въ юношескихъ мечтахъ любовь у Пушкина перазлучна была съ обра-
зомъ милой подруги :

«Подруга возраста златого,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя - ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая * * *.
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.

(„Посланіе къ Юдмѣ“, т. I, стр. 36).

Въ дальнѣйшемъ теченіи жизни эта первоначальная „подруга воз-
раста златого“ является, какъ божество, какъ гешій чистой красоты,
возбуждающій вдохновеніе, вызывающій слезы, воскресающій жизнь и
любовь :

«Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мол
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье :
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь“.

(„Къ А. П. Кернъ“, т. I, стр. 198).

Вмѣстѣ съ идеализаціей любви Пушкинъ идеализировалъ и русскую женщину. Онъ поднялъ ея значеніе въ нашемъ общественномъ сознаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ своими лирическими изліяніями, своими ранимыми гимнами въ честь женщинъ онъ создалъ почву для тѣхъ высокихъ идеаловъ женщины, какіе мы видимъ въ болѣе зрѣлыхъ его произведеніяхъ.

Выступивъ на первыхъ же порахъ своей поэтической дѣятельности съ высокой проповѣдью о человѣческой личности, ея свободѣ и ея правахъ, Пушкинъ не могъ умолчать о той массѣ русскаго народа, которая была порабощена и тяготѣла въ крѣпостномъ игѣ. И дѣйствительно, описывая прелести деревенской жизни, поэтъ говоритъ:

«Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ :
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца».

И вслѣдъ за этимъ въ патетическомъ экстазѣ поэтъ вопрошаетъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?»

(Изъ стихотворенія „Деревня“, т. I, стр. 73).

Эти слова оказались пророческими въ устахъ поэта, такъ какъ эта прекрасная заря для нашего русскаго народа дѣйствительно взошла по манію державнаго царя. Правъ, поэтому, былъ Пушкинъ, сказавши въ другомъ мѣстѣ:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ».

(„Памятникъ“, т. I, стр. 399).

Да — славить въ жестокой вѣкъ свободу и воспѣвать права личности — это такой гражданскій подвигъ, передъ которымъ должно благоговѣнно приклониться благодарное потомство!

Начавъ скромно свою проповѣдь о свободѣ и правахъ человѣческой личности, Пушкинъ выражалъ ее на первыхъ порахъ въ лирическихъ изліяніяхъ, чему способствовало отчасти уединеніе и удаленіе отъ общества. Но судьбѣ угодно было, чтобы эта проповѣдь приняла болѣе широкіе размѣры, чтобы она ввѣсь ее непосредственно въ общество, чтобы высокая идея человѣческой личности и ея правъ была примѣнена тогда же къ дѣйствительности. И вотъ Пушкинъ ищетъ осуществленія этой идеи въ русскомъ обществѣ и въ результатъ получилось слѣдующее. Онъ создалъ намъ типы Кавказскаго Пльнника, Алеко и Евгенія Очѣгина. Эти типы въ основѣ своей сходны и лишь поставлены въ различную обстановку. Всѣ они проникнуты одинаковымъ стремленіемъ къ свободѣ, не уживаются въ обществѣ, страдаютъ разочарованностью и скептицизмомъ и всюду, куда имъ приходится проникать, приносятъ страданія и себѣ и другимъ. Припомните, въ какое странное положеніе ставятся и какими неудачными и несостоятельными героями являются эти искатели и поборники личной свободы и личныхъ правъ. Въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ герой въ погонѣ за свободой случайно попадаетъ къ горцамъ въ плѣнъ. Здѣсь онъ возбуждаетъ любовь молодой черкешенки, которая самоотверженно отдаетъ ему всю свою душу: свою первую любовь, свои первыя страсти. Но плѣнникъ, въ силу пережитыхъ имъ когда-то мукъ страсти и душевной бури, отказывается въ концѣ концовъ отъ этой любви, но въ то же время пользуется ея услугами, чтобы освободиться изъ плѣна и уходитъ безъ боли сердечной, безъ угрызенія совѣсти, несмотря на то, что вѣщовица его освобожденія почти на его глазахъ лишаетъ себя жизни. Алеко поставленъ еще въ болѣе странное положеніе. Уйдя изъ неволи душныхъ городовъ, гдѣ люди „мысли топятъ, торгуютъ волею своею, главы предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ да цѣпей“, и ища свободы, Алеко попадаетъ въ цыганскій таборъ. Здѣсь на просторѣ онъ пользуется всеми благами привольной жизни; здѣсь же раскрывается его сердце для свободной любви. Но, будучи самъ поборникомъ свободы, онъ не допускаетъ той же свободы для другихъ и въ частности — не

способъ свободнаго выбора любви у предмета своей страсти—Земфиры. Мучимый ревностью, т. е. движимый побужденіями своего эгоизма, Алеко убиваетъ своего соперника, а съ нимъ и свою возлюбленную—Земфиру.

Какимъ высокимъ человѣческимъ чувствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какой страшной пропіей по отношенію къ Алеко, дышатъ слова стараго цыгана:

«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ;
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли.
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣль—оставь же насъ,
Прости! Да будетъ миръ съ тобою!

Какой сильный урокъ, какая высокая мораль!

Не менѣе страшенъ и Опѣгнѣцъ. Изучивъ рано „науку страсти нѣжной“, онъ также рано охладѣлъ чувствами, сталъ равнодушенъ къ большому свѣту и имъ постепенно начала овладѣвать хандра. Подъ вліяніемъ этой хандры Опѣгнѣцъ запирается въ своемъ кабинетѣ и здѣсь принимается за перо. Но ничего изъ этого писанія не выходитъ, такъ какъ ему былъ тощенъ упорный трудъ. Тогда онъ принимается за чтеніе, но изъ чтенія также не выходитъ никакого толку, и онъ вынужденъ былъ бросить книги. Тѣмъ временемъ Опѣгнѣцъ усиѣваетъ мало-по-малу озлобиться противъ свѣта и начинаетъ презирать людей. При такомъ душевномъ настроеніи онъ рвется на свободу и случайно попадаетъ въ наслѣдственную деревню. Здѣсь Опѣгнѣцъ отъ нечего дѣлать знакомится съ сосѣдомъ романтикомъ Ленскимъ и, несмотря на противоположность характеровъ, дружится съ нимъ. Здѣсь же въ деревнѣ—въ семьѣ Лариныхъ—Опѣгнѣцъ встрѣчаетъ задумчивую и мечтательную Татьяну, которая скоро въ него влюбляется и, слѣдуя влеченію своего сердца, откровенно въ письмѣ признается ему въ любви, объясняя ее чѣмъ-то роковымъ, волей небесъ, рѣшеніемъ высшаго совѣта. Опѣгнѣцъ отвѣчаетъ на чистое откровенное признаніе дѣвушки увѣреціемъ, что онъ пережилъ игру страстей, что обновить своей души не можетъ и заканчиваетъ свою длинную проповѣдь сухимъ правоученіемъ:

«Учитесь властвовать собою ;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

Затѣмъ, продолжая жизнь въ томъ же родѣ, т. е. томясь и хандря, Онѣгинъ убиваетъ на дуэли своего пріятеля Ленскаго, мстя ему за ту недолгую скуку, какую пришлось испытать Онѣгину на балу у Мариныхъ, куда онъ попадаетъ по винѣ Ленскаго. Послѣ убійства Ленскаго Онѣгинъ, продолжая томиться въ „бездѣйствіи досуга“, оставляетъ деревню и начинаетъ „странствія безъ цѣли“. Послѣ двухлѣтнихъ безцѣльныхъ блужданій Онѣгинъ попадаетъ, наконецъ, въ Москву, гдѣ встрѣчаетъ ту же Татьяну, но находитъ ее уже равнодушной княгиней, неприступной богиней, законодательницей большого свѣта. Эта переменна, происшедшая съ Татьяной, окруженной при томъ новой обстановкой, такъ поразила Онѣгина, что онъ „влюбляется въ Татьяну, какъ дитя“, и начинаетъ преслѣдовать ее своею любовью. На свое любовное признаніе онъ получаетъ такой же чувствительный урокъ, какой нѣкогда онъ прочелъ Татьянѣ. Она отвѣчаетъ ему, что, хотя она и любитъ его, но другому отдана и останется вѣкъ ему вѣрна, т. е. вѣрна своему долгу.

Итакъ Онѣгинъ оказывается такимъ же эгоистомъ, какъ и Алеко, и недовольный, томящійся въ обществѣ во имя какихъ-то высокихъ началъ и идеальныхъ стремленій, на дѣлѣ же высокія идеи о человѣческой личности, о ея свободѣ и ея правахъ готовъ лишь примѣнить къ себѣ, а въ другихъ этихъ правъ не только не признаетъ, но и не выносить.

Почему же, спрашивается, Пушкинъ своихъ героевъ, какъ посетителей высокой идеи—человѣческой личности, ея свободы и ея правъ, ставитъ въ такое странное и даже нерѣдко въ комичное положеніе, почему въ сознаніи поэта эти лица являются героями неудачными и несостоятельными. Объясненіе здѣсь можетъ быть двойное. По первому объясненію Пушкинъ создалъ своихъ героевъ подъ вліяніемъ Байрона и такимъ образомъ эти лица являются отзвукомъ тѣхъ „*тревожныхъ типовъ*“, проникнутыхъ скептицизмомъ и разочарованностью, каковыя выдвинула въ то время западная культура, и какъ таковыя, будучи пересажены на чуждую почву, и оказываются здѣсь на дѣлѣ неудачными и несостоятельными. Такое объясненіе не вполне справедливо потому, во 1-хъ, что между Байроновскими типами и типами, созданными Пушкинымъ, почти ничего нѣтъ общаго, а во 2-хъ, потому, что всякій чуждый пересадокъ бываетъ, обыкновенно, недолговѣченъ,

тогда какъ эти „тревожные типы“ продолжаютъ существовать въ нашей русской литературѣ довольно долгое время.

Другое объясненіе, болѣе, по моему мнѣнію, правдоподобное, состоитъ въ томъ, что подобныя „тревожные типы“ могли возникнуть самостоятельно на русской почвѣ, благодаря отчасти той же западной культурѣ, съ которой Россія издавна была знакома, а съ другой стороны благодаря русской жизни, которая давала достаточный матеріалъ и для скептицизма и для разочарованія. Но будучи взяты по преимуществу изъ высшихъ слоевъ общества, оторванныхъ отъ родной почвы, — отъ той массы народа, для которой и предназначалась высокая проповѣдь о правахъ личности, и будучи въ то же время неподготовленными къ практической дѣятельности и къ той высокой миссіи, которую брали на себя, эти типы и являются псеудачными и несостоятельными героями. Ихъ несостоятельность и непригодность къ русской жизни впервые сознала Пушкинымъ и это сознаніе проникло въ наше общественное самосознаніе, что доказываетъ вся наша послѣдующая русская литература. Эти „тревожные типы“, какъ я сказалъ выше, продолжаютъ существовать долгое время въ нашей литературѣ; вы найдете ихъ и въ произведеніяхъ Лермонтова, Грибоѣдова, Тургенева, Шенскаго и др., и что важнѣе всего — съ тѣмъ же характеромъ несостоятельности и непригодности къ русской жизни.

Параллельно съ этими „тревожными типами“ героевъ Пушкинъ создалъ намъ и женскіе типы. Но присмотритесь къ нимъ: какими симпатичными чертами онъ обрисовываетъ эти лица. Въ противоположность черствому эгоизму героевъ съ проницательно звучащей въ ихъ устахъ проповѣдью о свободѣ человѣческой личности, эти женскія лица являются у него глубоко чувствующими, непосредственно отдающимися влеченію своего сердца и въ своемъ увлеченіи самоотверженными, готовыми пожертвовать во имя этого чувства всѣмъ, даже жизнью. Если у героевъ проповѣдуемая ими на словахъ свобода чувства въ примѣненіи къ другимъ парализуется ихъ личнымъ эгоизмомъ, то у героинь, чуждыхъ всякихъ теоретическихъ соображеній, эта свобода чувства необъятная и лишь регулируется понятіемъ о долгѣ. Эта чистота и непосредственность женскаго чувства, этотъ долгъ, какъ предѣлы свободы чувства, впервые подчеркнуты въ русской женщинѣ Пушкинымъ и вошли въ общественное сознаніе, что также подтверждается всей послѣдующей нашей литературой.

Итакъ ставъ на почвѣ дѣйствительности, т. е. вступивъ въ русское общество съ своими высокими идеями о человѣческой личности, Пушкинъ не нашелъ своихъ постоянныхъ идеаловъ въ той сферѣ, въ

которой искалъ осуществленія ихъ. Пришлось окунуться нѣсколько глубже и опуститься ниже, до другихъ слоевъ общества, и здѣсь искать осуществленія этихъ идеаловъ. И вотъ, Пушкинъ создаетъ рядъ послѣдующихъ поэтическихъ произведеній. Въ его „Капитанской дочкѣ“ мы находимъ уже истинныхъ героев съ точки зрѣнія высокихъ человѣческихъ качествъ. Правда, эти герои болѣе просты, не блещутъ вышними качествами, не томятся въ „бездѣйствіи пустомъ“, не высказываютъ возвышенныхъ идей, но за то каждый изъ нихъ дѣлаетъ честно и скромно свое малое дѣло, каждый оказывается одушевленнымъ высокой идеей долга и во имя этого долга совершаетъ великіе человѣческіе подвиги, не замѣчая при этомъ своихъ подвиговъ и не вмѣняя совершеніе этихъ подвиговъ въ особую себѣ заслугу. Такими истинными героями являются здѣсь комендантъ крѣпости Ивашъ Кузьмичъ Мироповъ, гарнизонный поручикъ Ивашъ Игнатьевичъ и тѣ двадцать старенькихъ инвалидовъ, которые по первому зову готовы пролить свою кровь за отечество. Этотъ истинный героизмъ, эта идейность, соединенная съ другими высокими человѣческими качествами, впервые усмотрѣна была въ массѣ простого народа также Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ такимъ неожиданнымъ открытіемъ, тѣмъ же Пушкинымъ открыты были для русскаго художества дальнѣйшія перспективы, какъ въ художественной разработкѣ типовъ, такъ и въ отысканіи истинныхъ героев среди русскаго народа, великихъ духомъ, чистыхъ сердцемъ и твердыхъ волей. Въ эти перспективы входятъ также „оскорбленные и униженные“, слѣды которыхъ мы находимъ также у Пушкина, а именно— въ нѣкоторыхъ его повѣстяхъ, вышедшихъ подъ псевдонимомъ Бѣлкина, какъ-то: въ повѣсти „Гробовникъ“, а главнымъ образомъ въ его повѣсти „Станціонный смотритель“.

Итакъ, русская литература, можно сказать смѣло, и до сихъ поръ пользуется наслѣдіемъ Пушкина и долго, по всей вѣроятности, будутъ питаться этимъ наслѣдіемъ наши русскіе писатели.

Резюмируя сказанное, мы позволимъ себѣ прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Пушкинъ внесъ въ наше общественное сознаніе высокую идею человѣческой личности, ея свободы и ея правъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ провелъ въ наше сознаніе и тотъ фактъ, что эта высокая идея въ рукахъ нашихъ передовыхъ людей, вооруженныхъ и лучшимъ образованіемъ и лучшимъ воспитаніемъ, черѣдко и по большей части разбивается о ихъ личный эгоизмъ, вслѣдствіе чего и не приноситъ ожидаемыхъ результатовъ, тогда какъ въ массѣ русскаго народа она таится, какъ искра подъ массой пепла, и при всякомъ удобномъ

случаѣ готова загорѣться, подвигая массу и каждаго въ отдѣльности человѣка на великіе человѣческіе подвиги. вмѣстѣ съ тѣмъ въ наше сознаніе проникла и та мысль, что широкіе планы и высокіе замыслы не всегда бывають по плечу русскому народу, а намъ нужно малое, но вѣрное дѣло, которое вело бы русскій народъ по прямому пути культурнаго развитія, а съ нимъ — къ истинному народному благосостоянію. Этимъ сознаніемъ мы также обязаны отчасти Пушкину. Эта великая заслуга Пушкина передъ русскимъ обществомъ, оцѣниваемая нашимъ общественнымъ самосознаніемъ, и объясняетъ ту лихо-радочную подготовку къ торжественному чествованію, каковое дружно готовятъ вся Россія своему любимому поэту.

В. Мочульскій.

Одесса.

11-го мая 1899 года.

